

"На улице Качалова"

ЕВГЕНИЙ КУМАНЬКОВ:

Я чувствую себя должником Москвы

МАСТЕРСКАЯ

— У каждого человека, а тем более художника, своя Москва, город и огромен, и многолик, но моя в любых ее отсчетах всегда будет той, навсегда ошеломившей меня своим необычно красочным величием, какой я увидел ее восьмилетним мальчишкой, — говорит Евгений Иванович Куманьков, народный художник России, главный художник Государственного академического Малого театра. — В моих работах все же перемешалось разное: и торопливое желание запечатлеть облик, и неизменное чувство восхищения нашим прекрасным городом...

К "своей" Москве он, уроженец Смоленска, пришел через детские впечатления, студенческие 1930 — 1940 годы во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Защищал ее в сорок первом в рядах народного ополчения. Воссоздавал в кинолентах, когда работал на "Мосфильме", и в театральных постановках. В конце концов московская тема стала главной в творчестве Евгения Куманькова. Именно ей он посвятил большинство живописных и графических произведений, которые ныне находятся в пятидесяти музеях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее и Русском музее. Посвящены персональные выставки, статьи, каталоги, наконец, великолепный альбом "Москва!.. Как много в этом звуке..." с проникновенным "Словом о Москве" и о художнике Юрия Нагибина.

Евгений Иванович создал несколько серий, объединенных общим названием "Москва". Первые работы появились в конце пятидесятых годов, последние — этой весной и летом. Если другие циклы картин и графических листов приходили и уходили, то Москва остается всегда. Не только в творчестве, но в радостях, заботах, тревогах и горестях. Поэтому он не мог оставаться равнодушным, когда обнаружил, что все, чем любовался и с чем дружил долгие годы, вдруг стало быстро исчезать...

И появилась серия "Москва, которой не будет". Она уже насчитывает около 300 картин и больших станковых графических листов.

Некоторые из них я знал по выставкам, репродукциям в каталоге и альбоме, другие же, в основном новые, увидел в тесной мастерской художника, заставленной холстами и объемистыми папками с рисунками. Лист за листом ложится на пол. И открывается печальная летопись утрат и потерь некогда неповторимого архитектурного убранства города. Исчезнувшие дома и храмы, улицы и переулки остались ныне только на полотнах и листах Евгения Куманькова. Вот — "Бывший красавец", что на улице Станиславского. Типичный московский особняк с мезонином и остатками ампирических пилястр, некогда уютный, гостеприимный, действительно прелестный, но обреченный на снос: над ним уже злобеще нависла стрела башенного крана. Или — "Пережитое. Гарднеровский переулок" — такой же дом, очевидно, связанный с личными переживаниями художника и поэтому ему близкий. Сейчас же он покосился и "приговорен" к разрушению. "Дом, где жил Нестеров" в Сивцевом Вражке. Здесь хотели устроить музей замечательного художника, кстати, эту идею поддержала и наша газета. Однако после соответствующей "реконструкции" в него вселились коммерческие фирмы. А еще — Таганка, Яуза, Пречистенка, Остоженка, Замоскворечье, Разгуляй, Страстной монастырь, Сухарев-

ская башня, Красные ворота... Словом — вся Москва, ушедшая и настоящая, вместились на полотнах и листах Евгения Куманькова, отражающих его радость, тревогу, боль и раздумья.

— Каждый разрушенный старый дом — словно отрезанный палец. Каждая такая утрата — жестокий удар по мне... Казалось бы, происходит нормальный процесс приспособления старого города к новым непомерно разросшимся нуждам. Не понимая этого, можно отстать от жизни. А жизнь идет: что-то рождается, что-то умирает — и люди, и здания. Новым людям нужны иные жизненные условия. Старое в чем-то неизбежно мешает. Уход его трагичен всегда, но процесс этот естествен. Но не плач об ушедшем и не неумение восторгаться нарождающимся порождают тревогу москвичей. Другое. То, что Москва перестает быть Москвою.

Евгений Иванович всегда открыто выступал в защиту архитектурного достоинства Москвы. И не только в своем искусстве. Он — яркий публицист, журналист. Часто выступал в газетах и журналах. Так, его публикация в 1986 году в одной весме в то время влиятельной центральной газете вызвала огромный резонанс в обществе.

— Иногда говорят: "прошлое", "памятники", "памятники архитектуры", "литературные памятники", как бы подчеркивая тем самым, что речь идет о чем-то уже не нашем, отчужденном и навсегда ушедшем. Я не понимаю этого. Какое "прошлое", какие "памятники"! — хочется вскричать всякий раз. Ведь так или иначе и то, и другое живет в нас. Это частица нас сегодняшних, нашего "я", нашего сознания. Поэт сказал: "И это все в меня запало и лишь потом во мне очнулось".

Вероятно, этому "очнулось" и посвящено одно из лучших произведений Евгения Куманькова "Окно", исполненное в начале шестидесятых годов. У окна стоит сын художника — словно впервые неожиданно увидел перед собой величественную панораму великого города.

Из богатого и разнообразного творчества Евгения Куманькова я выбрал лишь его работы о Москве. Хотя в его мастерской увидел и другие — новые работы. В основном составляющие серии и циклы. Это — потрясающие по жесткой драматической образности "Деревья", "Ленинградская серия", "Отчество", которые показали, сколь много Евгений Иванович ездил по России и сколь хорошо он ее знает; "Воспоминания", "Путешествия", "Дальние странствия", великолепные натюрморты, наконец, его театральные работы. Каждая из них требует особого разговора, ибо все они такие разные и такой разный в них Куманьков, иногда неожиданно, непривычно.

Но я пришел в его мастерскую "за Москвой". Еще раз увидел ее художественную красоту, торжественное величие и архитектурную неповторимость. Произведений Куманькова о ней так много, что они могли бы составить превосходную выставку. Но, увы! — Евгений Иванович не имеет возможности устроить ее. А быть может, кто-нибудь поможет именитому художнику? Во славу Москвы, на радость москвичам, нам с вами?!

— Чем дальше, тем все строже и строже судишь себя, и поэтому работать становится труднее. И не потому, что замыслы иссякают, а именно в силу этой строгости... Я не могу с удовлетворением сказать, что сделал все, что мог, что было в моих силах. Я чувствую себя должником Москвы, хотя и похвалил ей немало.

В мастерской побывал Евграф КОНЧИН